

Научная статья

УДК 172.4

DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-33-42

Метаморфозы морали как ответы на вызовы истории

Анна Олеговна Слепцова

Тамбовский государственный технический университет
Тамбов, Россия

sleptsova_ao@mail.ru

Аннотация

В статье на основе методологии А. Тойнби анализируются метаморфозы морали как ответы на вызовы истории. Рефлексии подвергается исторический период появления морали, когда развитие нормативности в поведении стало условием выживания первобытного социума. Рассмотрение эволюции морали Античности позволило обнаружить социальную обусловленность моральных представлений.

На основе вывода Н. С. Розова о существовании определенных условий, предшествующих любым культурным явлениям, были исследованы метаморфозы морали эпохи Возрождения.

Было выявлено, что тойнбианское понятие «этерификация» целесообразно использовать для рефлексии эволюции исторических вызовов, в частности, той ситуации, с которой столкнулся современный социум, когда глобализационные процессы обусловили новые метаморфозы морали.

Ключевые слова

«вызов-и-ответ», мораль, социум, исторический вызов, свободомыслие, христианство, гуманизм, глобализация

Для цитирования

Слепцова А. О. Метаморфозы морали как ответы на вызов истории // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20, № 3. С. 33–42. DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-33-42

Metamorphoses of morality as “answers” to the “challenges” of history

Anna O. Sleptsova

Tambov State Technical University
Tambov, Russian Federation

sleptsova_ao@mail.ru

Abstract

The paper is based on A. Toynbee’s methodology and analyzes the metamorphoses of morality as answers to the challenges of history. The historical period of the emergence of morality is subjected to reflection,

© Слепцова А. О., 2022

when the development of normativity in behavior became a condition for the survival of primitive society. Consideration of the evolution of the morality of Antiquity made it possible to discover the social conditioning of moral ideas.

Based on the conclusion of N.S. Rozov about the existence of certain conditions that precede any cultural phenomena, the metamorphoses of the morality of the Renaissance were studied.

It was found that the Toynbean concept of "esterification" should be used to reflect the evolution of historical challenges, in particular, the situation faced by modern society, when globalization processes led to new metamorphoses of morality.

Keywords

challenge – and – answer, morality, society, historical challenge, freethinking, Christianity, humanism, globalization

For citation

Sleptsova A.O. Metamorphoses of morality as answers to the challenges of history. *Siberian Journal of Philosophy*, 2022, vol. 20, no. 3. P. 33–42. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2022-20-3-33-42

Потребность в объяснении того, почему наш мир такой как есть, приводит к поиску онтологических оснований, т. е. того, что определяет наше бытие. Именно так появилась концепция А. Тойнби, где основанием бытия конкретной цивилизации стал фактор исторического вызова.

Концепция А. Тойнби является объектом изучения в контексте философии истории, культурологии, истории и социологии. При этом А. Тойнби часто критиковали за спекуляцию фактами для подтверждения своих воззрений, так, Ю. И. Семенов заявляет, что А. Тойнби не останавливается «перед прямым насилием над фактами» [Семёнов, 2003. С. 180]. Однако направление исследования обуславливает то, что данная концепция будет использована именно как методология, без анализа правомерности приводимого А. Тойнби фактического материала. Если взять за аксиому концепт «вызов-и-ответ», то историософская концепция А. Тойнби может быть использована как методологическая основа при исследовании эволюции моральных ориентиров как ответа на вызовы истории.

А. Тойнби полагал, что сам вызов носит не характер неудовлетворенной биологической потребности, а ощущается как императивное требование, основанное на уверенности, что жить по-прежнему нельзя. При этом социальная эволюция изменила саму природу вызова, произошла метаморфоза вызова, из угрозы жизни он превратился в угрозу потери человеком своей сущности. Происходит, говоря тойнбианским языком, этерификация – это «преодоление материальных обстоятельств, освобождающее энергию общества для ответов на вызовы, которые с этого времени становятся, скорее, внутренними, а не внешними, духовными, а не материальными» [Тойнби, 2009. С. 659]. Следует заметить, что, назвав вызовы «духовными», А. Тойнби подразумевал именно их нематериальный характер, то есть социум меняется для соответствия своего бытия представлению о лучшем бытии, что сопровождается метаморфозами бытовавшей ранее морали.

В качестве предмета исследования была взята европейская этическая традиция от первобытного строя до настоящего времени включительно, объектом же следует считать ее метаморфозы как ответы на вызов истории. Основными методами для данного исследования являются: диалектический метод, который

использовался при рефлексии развития моральных представлений в зависимости от исторической ситуации, и метод индукции, который позволил обобщить данные диалектического метода и сделать заключение о роли, которую играет мораль в становлении социума.

Целесообразно для анализа исторических метаморфоз морали обратиться к периоду зарождения человеческой цивилизации. Этот исторический этап уникален тем, что появление морали здесь само по себе является условием выживания. Н. С. Розов, исследуя когнитивные аспекты антропогенеза, рассматривает феномен появления морали у гоминид как ответ, обеспечивающий выживание, на вызов природной среды и внутригруппового противостояния: «Перманентные для гоминид напряжения и стрессы, особенно из-за смены климата и ландшафтов при миграциях (дефицит пищи, опасности, жара, холод), а также внутригрупповая конкуренция и борьба в сферах статуса, насилия, пропитания и сексуальности вели к высокой конфликтности, соответственно к росту объективной групповой заботы пресечения междоусобного насилия, установления порядка солидарности, взаимопомощи» [Розов, 2022. С. 86]. Процесс зарождения первых моральных представлений, согласно Н. С. Розову, происходил в период между 2,7–1,6 млн лет назад [Там же. С. 104].

Н. С. Розов замечает, что отсутствие эффективно функционирующей нормативности привело к вымиранию или ассимиляции некоторых популяций гоминид, которые не смогли «ответить» на вызов истории: «Исчезновение же многих популяций и видов гоминид легче всего объяснить снижением их численности, проигрышем в конкуренции за территорию и ресурсы из-за более слабой координации действий, меньшей внутренней солидарности, большей взаимной отчужденности» [Там же. С. 87]. Таким образом, очевидно, что на данном этапе человечество выжило благодаря самоодомашниванию, то есть порицанию агрессивного поведения и лишения возможности агрессивных особей передать свои черты будущим поколениям: «В группах, члены которых не сумели избавиться от соблазна использовать рубила в междоусобных конфликтах, росло взаимное отчуждение, а молодые самки уходили в более дружелюбные группы» [Там же. С. 102].

Исследователь моральной психологии Р. Джойс также настаивает на том, что видовая принадлежность человека обуславливает наличие у него морали как результата эволюционного развития данного вида: «Мораль существует в сущности у каждого человека. Она развивается без формального обучения, без целенаправленных усилий и без осознания своих возможностей» [Joyce, 2007. С. 135].

Джойс подчеркивает, что несмотря на врожденность морали, ее содержание полностью зависит от культурной среды, и соответственно меняется, если меняются требования социума: «Очевидно, человеческое моральное чувство чрезвычайно чувствительно к обучению и влиянию окружающей среды (и, вероятно, предназначено для этого), что кажется, что в нем нет ничего неизменного» [Там же. С. 228]. Таким образом, хотя механизм формирования моральных понятий универсален для всего человеческого рода, содержание этих понятий определяется социумом, находящимся на определенном этапе развития.

Джойс настаивает, что «культурное обучение играет центральную роль в определении содержания нравственного суждения, которое человек в конечном

итоге делает» [Там же. С. 137], утверждая относительность морали как явления психической жизни человека. Наличие этой специфической черты морали объясняет, почему происходят ее метаморфозы, когда меняются условия внешней среды, эта «гибкость» морали позволяет осуществляться социальной эволюции, несмотря на сформированный эволюцией универсальный механизм морального генезиса.

Важнейшим этапом становления европейской этической традиции явился античный период. В поэмах и эпосах Гомера и Гесиода заложены представления о добродетелях, которыми они наделяли своих героев. Если у Гомера, по мнению А. А. Гусейнова, «мораль не обособилась, не эмансипировалась от реальности» и «вписана в язык самой практической жизни» [Гусейнов, 2003. С. 13], то начиная с Гесиода «мораль эмансипировалась от мира, чтобы идеально задать ему некую более высокую перспективу» [Там же. С. 23–24].

Этика Античности еще не имеет единой основы, философы этого периода выстраивают европейскую этическую традицию, основываясь на представлениях о добродетельном человеке. Значительный вклад в развитие морали внесли Семь мудрецов, их суждения о правилах поведения носят уже категорический и универсальный характер. Следующую ступень в развитии этики наметил натурфилософ Демокрит, который «акцентирует внимание на личностном характере моральных механизмов» [Тойнби, 2010. С. 69], тем самым отдав приоритет в генезисе нравственных ценностей индивиду. Таким образом, развитие морали четко следовало этапам становления социальной жизни, в контексте которой происходило развитие морального самосознания личности.

В 5 в. до н. э. в Афинах произошло показательное событие для истории морали. Сократ или «христианин до Христа» явно опередил свое время, рассуждая о Боге как абсолютном благе и бессмертии души, за что и был предан смерти. Итог жизни Сократа для А. Тойнби абсолютно закономерен: «Это плата, которую должен платить гений за преждевременную попытку видоизменить социальное окружение» [Там же. С. 265], – пишет А. Тойнби. Таким образом, если единичная личность, возвышающаяся над остальными, решит ускорить моральный прогресс прежде того, как необходимость в этом осознают инертные массы, то «его творческий порыв становится роковым для него» [Там же]. Для движения людских масс нужен вызов, который поставит ультиматум эволюционировать или погибнуть для всех, а не только избранных.

Появление христианства стало вехой в истории всей европейской цивилизации, чему свидетельством является традиция летоисчисления, которое ведется от предполагаемой христианами даты рождения Христа. Распространению христианства способствовало немало факторов, главным из которых, по мнению Ф. Шаффа, была его универсальность: «Христианство адаптируется к положению любого класса, к любым условиям, любым отношениям между людьми, подходит всем народам и расам, людям любого культурного уровня» [Шафф, 2007. С. 26]. Христианство имело значительное превосходство перед иудаизмом и античным язычеством именно масштабом охвата жизненно важных проблем и независимостью от социальных измерений. Эта универсальность стала востребованной, когда иудейский Иерусалим был разрушен римскими войсками, а сама «Римская

империя держалась только на силе меча и насущных интересах; нравственные узы, объединяющие общество, расшатались» [Там же. С. 26]. Христианская мораль как этическая система стала ответом на вызовы социума, в котором прежние ценностные ориентиры утратили силу.

В средневековой Европе метаморфозы морали были следствием совокупности исторических вызовов природного и социального характера. Известный уровень религиозности и есть тот ответ, который помог выжить и не пасть духом, когда ничто и никто не гарантирует жизнь на этой земле даже в ближайшей перспективе. На первый план выходит поиск пути в этот лучший мир, который обнаруживается в выполнении заповедей и соблюдении канонов, жизнь становится тернистым путем в рай, где на каждом шагу душу искушают бесы. Средневековый человек «ответил» на вызов истории появлением морали, которая скрепляла земное бытие и наделяло его ощутимой связью с этим лучшим миром. Поэтому основным жизненным вехам придавался особый смысл как необходимым этапам существования: «Рождение, брак, смерть – благодаря церковным таинствам были окружены сиянием божественной тайны» [Хейзинга, 2011. С. 20], – пишет Й. Хейзинга.

С XIV в. можно говорить о наступлении эпохи самовосхваления человечества. Восприятие человека как продолжателя дела божественного творения, единственного живого существа, которое способно к созиданию и главным произведением которого является оно само, было основой мировоззрения Ренессанса. Сословная принадлежность теряла свое значение и, как пишет Я. Буркхардт: «Чем последовательнее воцарялся впоследствии гуманизм в мировоззрении итальянцев, тем крепче становилось убеждение, что происхождение не имеет никакого значения в вопросе о том, чего стоит тот или иной человек» [Буркхардт, 1996. С. 238]. Это было безусловным достижением эпохи, новая этика антропоцентризма теоретически распространялась на весь человеческий род. В уста Бога Д. Пико делла Мирандола вкладывает свой наказ человеку: «Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие, божественные...» [Эстетика Ренессанса, 1981. С. 249], который передает весь нарциссический пафос той эпохи.

Феномен появления гуманизма как метаморфоза морали был исследован Н. С. Розовым. Н. С. Розов, опираясь на дедуктивно-номологическую модель объяснения К. Гемпеля для исследования феномена расцвета гуманизма в северной Италии (XV–XVI вв.) и схему «вызов-ответ» А. Тойнби для создания «универсальной гипотезы» для объяснения сути «любых культурных движений» [Розов, 2020. С. 115], высказал идею о существовании «конкретно-исторических реалий», которые предшествовали новому культурному явлению, известному как «гуманизм» [Там же. С. 119].

К таким «конкретно-историческим реалиям» Н. С. Розов отнес внешнюю агрессию соседних государств, новые экономические условия, пошатнувшие значение сословной принадлежности, кризис католической церкви и нерелевантность схоластической философии данному историческому этапу. Перечисленные факторы, по Н. С. Розову, определили появление такого культурного феномена как гуманизм в северной Италии в XV–XVI веках: «Вследствие стечения значи-

мых обстоятельств это движение появилось, заявило о себе, получило поддержку, стало привлекательным» [Там же. С. 116]. Таки образом, появление самого феномена гуманизма объясняется стечением обстоятельств в определенном социуме, на определенном историческом этапе, гуманизм явился ответом на целую совокупность тойнбианских вызовов.

Впереди у европейской цивилизации был век разума, когда рациональный взгляд на бытие, как природное, так и социальное, должен исключить любой моральный регресс. Если попытаться одним словом охарактеризовать мировоззрение эпохи Просвещения, то это слово будет – свободомыслие. Больше нет границ для разума, переосмысление восприятия бытия начинается с плеяды французских философов-энциклопедистов, которые начинают рассматривать Бога исключительно как создателя или вовсе отрицают его.

В эту эпоху человечество, поверившее в собственный разум, провозглашает себя источником бытийного порядка, ведь для него не существует больше никаких тайн и иллюзий, все можно объяснить, измерить и, если надо, изменить. Гносеологический оптимизм стал главным принципом эпохи, верящей, что просвещение и наука приручат этот мир. Это был вызов, ответом на который стала революция и новая мораль, «разрешившая» все последующие события.

А. Тойнби называл войны и революции социальными болезнями, которые сопровождаются нарастанием степени неопределенности, прежде всего, в сфере морали: «В истории движения обществ к цивилизации не зафиксировано ни одного случая, чтобы во времена революции или войны не совершалось злодеяний» [Тойнби, 2010. С. 315]. Каждый ответ на вызов – это ступень развития общества, однако это не гарантирует его свободу от «социальных болезней» и вовсе не означает, что крушение старого мира пройдет без падения человечества в аморальную бездну.

По инициативе проникнувшегося идеями свободомыслия третьего сословия во Франции конца XVIII в. свершилась революция, которая должна была уничтожить все преграды для самоосуществления человека. Принятие конституции в 1789 г. имело не только социально-политическое значение, мораль достигла апогея, когда на законодательном уровне было закреплено равноправие людей вне зависимости от сословия. Религию заменил «культ разума», теоретически основанный на идеях равенства и свободы. Социальные потрясения вызвали метаморфозы морали, «легализовавшие» революционный террор. А. П. Левандовский пишет, что в речи Робеспьера, посвященной принципам государственной морали, революционер провозгласил, что «в современных условиях добродетель оказывается неотделимой от террора» [Левандовский, 1959. С. 359], при этом: «Принципы были... выше личностей, личности имели цену и право на жизнь только в том случае, если отвечали принципам» [Там же. С. 362], то есть произошла метаморфоза морали, которая позволяла все ради благих целей. Если применить концепцию «вызов-и-ответ» А. Тойнби к веку Просвещения, то следует заключить, что развитие социума «потребовало» появления человека нового нравственного формата, который сможет уничтожить отживший порядок. Однако вера в безграничную свободу разума и полная «рационализация» морали привели к социальным недугам.

Весь XX век стал наглядным проявлением тойнбианской этерификации, вызовы истории носят все более антропогенный, а не природный характер. Передел сфер влияния на карте мира, падение политических режимов, геноциды и реванши угнетенных сословий и этносов происходили на фоне галопирующего научно-технического прогресса: так, к середине века появилась опасность самоуничтожения человечества в результате ядерной войны. Именно в XX веке ученые заговорили о глобальных проблемах, которые поставили под вопрос само существование человеческого социума и потребовали обязательного решения. Совокупность метаморфоз морали как ответа на исторический вызов данного этапа подвергает критическому анализу К. Г. Фрумкин. По мнению ученого, «мораль возникает на основе взаимности, то есть она существует лишь в сообществе, члены которого готовы помогать друг другу и сдерживать по отношению друг к другу свою агрессию» [Фрумкин, 2016. С. 122], то есть мораль действует там, где объекты моральных действий квалифицируются как «свои», в отношении которых субъект проявляет альтруистические наклонности, по отношению к «чужим» возможен только эгоизм. На современном этапе истории, согласно К. Г. Фрумкину, самая важная метаморфоза морали проявляется в «расширении круга людей, по отношению к которым индивидуум чувствует себя несущим моральные обязательства» [Там же]. Кроме того, К. Г. Фрумкин обнаруживает расширение самой сферы применения морали: «Об этике начинают говорить применительно к проблемам, которые еще лет 100 назад никто бы не назвал моральными» [Там же. С. 124]. Сюда К. Г. Фрумкин относит моральную рефлексию экологических проблем и взаимоотношения с искусственным интеллектом [Там же. С. 123].

Однако, несмотря на кажущийся прогресс в этической сфере, ведь «сфера морали разрослась и дифференцировалась, захватив новые области» [Там же. С. 128], К. Г. Фрумкин скептически относится к данному явлению, поскольку «расплатой за “этический империализм” является очень любопытное явление: этика отрывается от морали» [Там же]. Теперь не совесть, которая есть результат рефлексии норм для успешного сосуществования, определяет содержание этики, а многочисленные социальные институты: «Институциональная этика и все ее разновидности – корпоративная, профессиональная, биомедицинская – становятся скорее этикой одностороннего действия, в отличие от традиционной морали, базирующейся на взаимных обязательствах всех перед всеми» [Там же. С. 129]. Теперь золотое правило нравственности теряет свою актуальность, поскольку мораль «отчуждается» от личностной сферы и переносится в сферу отношений социальных институтов, которые делают личность объектом морали, лишая возможности разрешения моральных коллизий: «Этика постепенно приобретает черты односторонности – вопреки тому, что в прошлом мораль всегда предполагала взаимность и часто имела характер просто “взаимного страхования” [Там же. С. 130], возникают люди, которых можно в зависимости от ситуации назвать не субъектами, но объектами, и даже потребителями моральных действий» [Там же. С. 131].

Таким образом, институционализация морали, начавшаяся в XX веке, сегодня изменила ее, исключив личностный компонент, навязав человеку свод норм и правил, которые сформированы не им, а структурными компонентами социума,

что исключает их из сферы личного опыта, оставляя статус внешних, не прожитых человеком, формальных предписаний. Это и есть главная метаморфоза, которую повлек за собой век высоких технологий, корпораций и переоценки вековых моральных устоев.

Поверхностный обзор исторического развития морали в контексте концепция «вызов-и-ответ» А. Тойнби показывает, что мораль не просто приспособляется, она легализует новый взгляд на то, что можно делать и чего делать нельзя, то есть утверждает правомерность ответа на исторический вызов. Мораль соотносена с требованиями исторического момента, так, в периоды так называемых «социальных болезней» мораль претерпевает такие метаморфозы, которые полностью переворачивают представления о добре и зле, то есть все метаморфозы морали обусловлены «конкретно-историческими реалиями» [Розов, 2020. С. 119], которые наполняют новым содержанием нравственные идеалы.

На современном этапе накопленный социальный опыт спровоцировал новую метаморфозу морали, в европейской этической традиции моральной рефлексии подверглись все аспекты бытия, что привело к институционализации морали и, как следствие, лишению личности прерогативы морального генезиса. Эта тенденция явилась продолжением глобализационных процессов в мире, требующих все более универсальных и однозначных норм взаимодействия между индивидами, социальными слоями и государствами. Поэтому мораль потеряла статус онтологического принципа личности, превратившись в формальное условие, с которым должны согласиться все участники любого социального взаимодействия.

Список литературы

- Буркхардт Я.** Культура Возрождения в Италии: Пер. с нем. М.: Юристъ, 1996. 591 с.
- Гусейнов А. А.** Античная этика. М.: Гардарики, 2003. 270 с.
- Левандовский А.П.** Робеспьер. М.: Молодая гвардия, 1959. 496 с.
- Лосев А. Ф.** Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. 623 с.
- Розов Н.С.** Номологическое объяснение в исторической социологии (кейс генезиса/расцвета итальянского гуманизма) // Соц. исслед. 2020. № 2. С. 115–127.
- Розов Н.С.** Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали речевые и когнитивные способности. Новосибирск: Манускрипт, 2022. 355 с.
- Семёнов Ю.И.** Философия истории. М.: Современные тетради, 2003. 776 с.
- Тойнби А. Дж.** Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций: Пер. с англ. М.: АСТ, 2009. 670 с.
- Тойнби А. Дж.** Постижение истории: Пер. с англ. М.: Айрис-пресс, 2010. 640 с.
- Фрумкин К.Г.** Основные тенденции эволюции морали // Эволюция: срез, правила, прогнозы: альманах. Волгоград: Учитель, 2016. № 8. С. 122–137.
- Хейзинга Й.** Осень Средневековья: Пер. с нидерл. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. 768 с.
- Шафф Ф.** История христианской церкви. Т. II. Доникийское христианство. 100–325 г. по Р. Х.: Пер. с англ. Репринтное издание. СПб.: Библия для всех, 2007. 589 с.

Эстетика Ренессанса: Сост. и науч. ред. В. П. Шестаков. М.: Искусство, 1981. Т. I. 495 с.

Joyce R. The Evolution of Morality. Cambridge: The MIT Press, 2007. 288 p.

References

Burkkhardt Ya. Kultura Vozrozhdeniya v Italii. [The Civilization of the Renaissance in Italy] Moscow, Yurist, 1996. 591 p. (In Russ.)

Estetika Renessansa. [Aesthetics of the Renaissance] Moscow, Iskusstvo, 1981. 495 p. (In Russ.)

Frumkin K.G. Osnovnye tendencii evolyucii morali [The main trends in the evolution of morality]. *Evolution: slices, rules, forecasts: almanac*, 2016, no.8, pp. 122-137. (In Russ.)

Gusejnov A. A. Antichnaya etika [Ancient ethics]. Moscow, Gardariki, 2003, 270 p. (In Russ.)

Joyce R. The Evolution of Morality. Cambridge, The MIT Press, 2007, 288 p.

Kheyzinga I. Osen Srednevekoviya. [The Autumn of the Middle Ages] St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2011. 768 p. (In Russ.)

Levandovskij A. P. Robesper [Robespierre] Moscow, Molodaya gvardiya, 1959, 496 p. (In Russ.)

Losev A. F. Estetika Vozrozhdeniya. [Aesthetics of the Renaissance] Moscow, Mysl, 1978. 623 p. (In Russ.)

Rozov N.S. Nomologicheskoe obyasnienie v istoricheskoy sociologii (kejs genezisa/rascveta italyanskogo gumanizma) [Nomological explanation in historical sociology (case of the genesis/flourishing of Italian humanism)]. *Sociological research*, 2020, no. 2, pp. 115-127. (In Russ.)

Rozov N. S. Proiskhozhdenie yazyka i soznaniya. Kak socialnye poryadki i kommunikativnye zaboty porozhdali rechevye i kognitivnye sposobnosti [Origin of language and consciousness. How social orders and communicative concerns gave rise to speech and cognitive abilities] Novosibirsk, Manuscript, 2022, 355 p. (In Russ.)

Semenov Yu. I. Filosofiya istorii. [Philosophy of history] Moscow, Sovremennyye tetradi, 2003, 776 p. (In Russ.)

Shaff F. Istoriya hristianskoj cerkvi. Tom II. Donikejskoe hristianstvo. 100-325 g. po R. H. [History of the Christian Church, Volume II: Ante-Nicene Christianity. A.D. 100-325]. St. Petersburg, Bibliya dlya vsekh, 2007, 589 p. (In Russ.)

Toynbi A. Dzh. Issledovaniye istorii: Vozniknoveniye, rost i raspad tsivilizatsiy. [Exploring History: The Rise, Growth, and Fall of Civilizations] Moscow, AST, 2009. 670 p. (In Russ.)

Toynbi A. Dzh. Postizheniye istorii. [Comprehension of history] Moscow, Ayris-press, 2010. 640 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Слепцова Анна Олеговна, кандидат философских наук
Доцент кафедры истории и философии, Тамбовский государственный техни-
ческий университет

Information about the Author

Anna O. Sleptsova, Candidate of Sciences (Philosophy)
Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Tambov State
Technical University

*Статья поступила в редколлегию 14.06.2022;
одобрена после рецензирования 29.06.2022; принята к публикации 04.07.2022.*

*The article was submitted 14.06.2022;
approved after reviewing 29.06.2022; accepted for publication 04.07.2022.*